Введение

Работа посвящена изучению создания иллюстрированных рукописей в эпоху становления первой государственности в Европе и формирования монастырской культуры как таковой.

Изучение создания книги в меровингских монастырях как комплексного явления имеет важное значение для понимания европейской культуры и роли религиозных текстов в ее формировании; позволяет проследить взаимное влияние разных интеллектуальных центров Франкской империи друг на друга, более полно представить сложную картину распространения и передачи знаний в период раннего Средневековья и формирования культурного образа Европы, ее национальных традиций и искусства.

Развитие и становление христианской средневековой культуры опиралось на монастыри: именно обители монахов становятся центрами духовности и образования: стремление к образованию и созданию предметов художественной церковной культуры являлось важной чертой монашества во франкском государстве. В монастырях организовывались скриптории, школы, библиотеки, ремесленные мастерские. В них собирались носители и создатели культурных ценностей того времени и значительную роль в распространении идей христианства играли религиозные тексты, которые многократно копировались в монастырях и украшались в скрипториях.

В богатстве материалов и цветов проявилась глубокая творческая и художественная оригинальность Меровингского искусства, которая поражает даже сегодня. Разнообразие письменных форм демонстрирует интеллектуальную экспансию, которая оживляет монашество и епископские центры, — творческие источники, где развивалась эрудированная культура. Грамоты франкских королей и иллюминированные рукописи, созданные в этот период, свидетельствуют о выражений силы, совмещая классическое наследие с новаторскими формами. Эпоха Меровингов открыла ворота в тысячелетнюю европейскую историю, которую мы называем Средневековьем. Время Франкской империи сильно отличается от образа варварского правления, с которым ее часто связывают, и поэтому видится важным показать в данной работе то, как происходило становление и развитие культуры в этот период на примере работы монастырей и их скрипториев как центров грамотности той эпохи.

Изучение как монастырей, так и их культурных связей с другими монашескими центрами раннесредневековой Европы представляет несомненный интерес и позволяет проследить, как на основе монашеских контактов развивалась книжная культура во время правления Меровингов.

В рассматриваемый период основной корпус рукописей был создан в монастырях

Луксёй, Шель, Корби и Лан, основанных св.Колумбаном или же его последователями, в связи с чем представляется важным в данной работе рассмотреть историю создания этих монастырей.

Научная разработанность темы. Феномен книжной культуры как части монастырской традиции в эпоху Меровингов мало разработан в научной литературе. В российской науке интерес к книжной культуре эпохи Меровингов появляется в трудах О.А. Добиаш-Рождественской, заведующей сектором западных фондов отдела рукописей Публичной библиотеки. Связанная по роду деятельности с рукописями из монастыря Корби, О.А.Добиаш-Рождественская в 1923 году написала монографию «История письма в Средние века. Руководство к изучению латинской палеографии», где в том числе рассмотрела типы меровингского письма, в 1934 – монографию на французском языке «История Корбийской мастерской письма», в которой подробно описала корбийские рукописи из собрания ГПБ а также рассмотрела историю монастыря Корби, его скриптория и его связи с Луксёйским монастырем. Общие сведения о становлении государства франков и взаимовлиянии церковной и светской власти можно найти в ее сборнике «Культура западноевропейского средневековья» 1987 года.

Общие сведения о культуре и искусстве «тёмных» веков даны в монографии Ц.Г. Нессельштраус «Искусство раннего Средневековья» 2000 года, где эпоха Меровингов рассмотрена в аспекте произведений искусства, созданных в ту эпоху.

Монастырской культуре раннего Средневековья посвящены труды А.К. Иванова («Средневековый монастырь и его обитатели» 1915 г.) и Л.П.Карсавина («Монашество в Средние века» 1912 г.), где рассмотрена история монашества в Европе и уклад монастырей того периода.

Из современных российских исследователей франкской эпохи следует назвать Д.Н.Старостина и его монографию 2017 года «От Поздней Античности к Раннему Средневековью : Формирование структур власти и ее образов в королевстве франков в период правления Меровингов (V-VIII вв.)», а также М.В.Артеева, диссертационное исследование которого 2018 года посвящено вопросам формирования церкви в Бретани в VI — IX вв. Проблематикой женских монастырей и роли меровингских королев в их создании и развитии занимается Н.Ю.Бикеева, у которой вышло несколько статей, посвященных этой теме.

Большой вклад в изучение западного монашества, традиций письма и иллюминирования книг внесли западные ученые – в первую очередь англо-и франкоязычные. Тем не менее, один из первых трудов, посвященных докаролингской и в частности меровингской книжной миниатюре («Vorkarolingische Miniaturen»), был написан в 1916 году Эриком Циммерманом, профессором живописи, где была дана краткая характеристика стилистических особенностей иллюстрации книг в меровингских монастырях, а также искусствоведческие описания большого количества иллюминированных рукописей этого периода. Описанию основных книжных

памятников Меровингов посвящен труд и Розамунд МакКиттерик «Books, scribes and learning in the Frankish kingdoms 6th — 9th centuries» 1994 года, где много внимания уделено палеографии этих рукописей, а также есть глава, посвященная женским монастырям, и подробно рассмотрена работа монахинь в скриптории аббатства Шель.

Общие сведения по истории франкского государства даны в исторических трудах Григория Турского «История франков» конца VI века и в «Хрониках Фредегара» середины VII века, которые представляют собой компиляцию из трудов Ипполита Римского, Исидора Севильского, Иеронима Стридонского, Идация и Григория Турского, История Франции, от первобытного общества до феодального, включая отдельную главу, посвященную эпохе Меровингов, подробно рассмотрена в первых двух томах «Классической истории Франции» под редакцией Эрнеста Лависса 1903 года, которые перевела на русский язык тогда еще начинающий медиевист О.А. Добиаш-Рождественская. В книге содержится история как монашества во Франции, так и прихода к власти Меровингских королей. В середине XX века изучением истории Меровингов занимался такой видный британский медиевист, как Ян Вуд, основная работа которого, посвященная Меровингам –это «The Merovingian Kingdoms (450-751)» 1994 года.

Исследованиям истории и особенностей книжной миниатюры Средних веков посвящено много трудов, среди которых можно отметить работу шведского историка искусств Карла Норденфалка «Early Medieval Painting, from the Fourth to the Eleventh Century» 1957 года, французского исследователя Жана Порша «Les manuscrits a peintures en France du VIIe au XIIe siecle» 1954 года; в настоящее время изучением меровингских рукописей занимается хранитель отдела рукописей Национальной Библиотеки Франции Шарлотт Деноэль, которая рассмотрела историю развития производства и украшения книг во Франции в своей диссертации 2018 года «Les manuscrits, leur décor et leur circulation au premier Moyen Age, des temps mérovingiens à l’époque romane».

Об истории аббатств и монастырей, созданных при правлении франков, также существует несколько монографий – отметить хотелось бы работу Роже Карона «Corbie en Picardie de la fondation de l’abbaye à l’instauration de la commune et l’adoption de la réforme de Cluny», в которой подробно рассмотрена история аббатства Корби и судьба рукописей из библиотеки этого аббатства.

Как можно увидеть, исследования, посвященные отдельным аспектам темы данной работы, разнообразны и многочисленны, но каждое из них посвящено своей проблематике – исторической, палеографической или искусствоведческой.

Объект исследования. Объектом данного исследования является иллюстрированная книга как материальный объект, создававшийся во франкских монастырях в VI – VIII веках.

Предмет исследования – феномен иллюстрированной книги в контексте становления

и развития монастырской культуры в эпоху Меровингов.

Хронологические рамки исследования начинаются с момента основания первых меровингских монастырей и скрипториев в них, т.е. с VI века, и до первых проявлений «Каролингского возрождения» в книжной иллюстрации, т.е. до 2-й половины VIII века. Хронологические рамки не соответствуют историческому периоду правления Меровингов, так как принципы создания и иллюстрирования рукописей, принятые во франкском государстве, продолжали применяться в монастырях еще несколько десятилетий после исчезновения династии Меровингов.

1.Социокультурные и исторические особенности Франкского государства V-VIII вв.

Уже в IV веке Римская империя пережила набеги народов, вытесненных на Запад Гуннами. Это движение позволило саксам достичь Британии (нынешней Англии), вестготам, суавам и вандалам спуститься на Пиренейский полуостров, алеманам и бургундам закрепиться в альпийском мире, готам войти в Рим и франкам поселиться в Галлии. Таким образом, древний мир, далекий от радикального потрясения, открыл свою культуру в направлении других цивилизаций, оказывая в свою очередь значительное влияние на них; обращение в христианство было одним из самых значительных его проявлений.

Известно, что в IV веке многие воины франкского происхождения служили в армиях римлян, а некоторые достигли высших постов; император Магненций (350-353 гг.) и генерал Арбогаст († 394) происходили из этой среды[1]. В одном движении, независимые франкские племена вступили в союз с Империей, что дало основу к их легальному расселению в Северной Галлии в середине V века.

В V в. территория Галлии была уже вне римской власти: власть фактически находилась в руках варваров – германских военных поселенцев; на землях провинции разместилось множество германских племен, которым были предоставлены земли для поселения и обработки. Так, франкам, которые еще ранее – в III в. образовали у северо-восточных границ Галлии союз племен, в VI в. было разрешено расселиться в междуречье Шельды и Мааса, а также на левобережье среднего Рейна. Но из-за Рейна в провинцию в V в. хлынули новые волны франков, алеманнов и других германских племен. Они захватывали земли на востоке Галлии, опустевшие после разрушительного похода на Запад, а затем в Африку вандалов, свевов и аланов.

Наличие у франков на северо-востоке Галлии собственных поселений привело к тому, что распад древней общины шел здесь достаточно медленно, тогда как вестготы и бургунды чаще всего селились в оставшихся галло-римских центрах, и поэтому на жизнь этих племен значительное влияние оказали позднеримские общественные отношения.

Из трех королевств — в бассейне Роны королевство бургундов, к югу от Луары– королевство вестготов, к северу от Луары и до Рейна королевство франков, — самым сильным в итоге стало королевство франков. Уже к середине VI в. франкские короли завершили завоевание Аквитании и Бургундии и овладели почти всей Галлией – от низовьев Рейна до Гаронны, Севенн и Прованса.

Прочность власти германских племен в Галлии зависела от того, насколько им удастся объединиться с их новыми подданными, чтобы образовать новое общее и культурно-этническое единство. Франкам это удалось, а вестготам и бургундам – нет. Причиной этого была не только разница в устойчивости их общинного уклада, но и в том, что их короли вели разную религиозной политику. Так, расселяясь на римских землях, германцы принимали христианство, что приобщало их к наследию античной цивилизации. Но в христианстве того времени на римских землях царил раскол: большинство населения исповедовало католическую веру, признанную вселенскими соборами ортодоксальной, а меньшинство – арианскую веру, официально признанную ересью. Бургунды и вестготы приняли христианство раньше, но в форме арианства. Тогда как франки в лице короля Хлодвига и его дружины, явившись в Галлию позднее, приняли католическое христианство, что обеспечило их поддержкой римской церкви против готов и бургундов в их борьбе за власть над Галлией[2].

Франкское королевство было одним из множества новых королевств, верных идеалу вечной империи, вдохновленный Римом, но под влиянием германских и англосаксонских практик. Распространение христианство привело к развитию новых верований: культ мощей, одновременно с некоторыми языческими традициями были включены в литургические ритуалы, возникшими в этот период.

Благодаря этим факторам католическая церковь во Франкском королевстве стала союзником королей, тогда как у Вестготов и Бургундцев католическая церковь была им в оппозиции. Этим она способствовала победе франков в их политической борьбе и в процессе становления Франкского государства смогла сделать католическую религию одной из основ для объединения разноплеменного и разноязычного населения римской провинции в единое культурное общество.

Это обеспечило привилегированное положение христианской церкви во Франкском государстве. Церковь оказывала поддержку королевской власти, а королевская власть из политических соображений, в свою очередь, поддерживала церковь. Короли франков дали возможность католической церкви сохранить те привилегии, которые у нее были в Римской империи в конце IV – V вв. В V в. церковь уже обладала обширными земельными владениями как в городах, так и вне городских стен, и была освобождена от некоторых государственных налогов. В IV – V вв. высшее духовенство также получило право судебной власти не только над своим клиром, но и над светским населением городов, и это право было сохранено за церковью и во Франкском государстве.

Епископ 540-х годов поздравляет Феодеберта I с успешным правлением: «если скипетр

твой един, то подданные твои многочисленны; если твой разнообразен, господство твое едино; если Царство Твое крепко, то империя твоя обширна.» В целом, Меровинги приняли большую часть практик позднеантичного правительства, либо они узнали о них прямо из Рима, либо они получили их от бургундов, вестготов и остготов — народов, чья степень романизации была даже выше. С 530-х годов царство Меровингов располагало квазигосударственной структурой, где государь производил право, руководил вооруженными силами и системой налогообложения[3].

Царское согласие было решающим для церковных назначений, что означало, что сами меровингские монархи обычно были важными покровителями монастырей. Их поддержка религиозных общин была средством освящения и узаконивания их королевской власти.

Еще во времена Хлодвига король оставил за собой право назначать епископов на все его царство. Выбирая личностей для верности, испытывая или играя в соперничество между местными претендентами, искусный правитель мог таким образом, держать под присмотром наиболее ретивые города. Назначения происходили так, чтобы граф и епископ были врагами, — в этом случае король был уверен, что его два местных агента будут следить друг за другом.

Понимая выгоды от союза с церковью, Хлодвиг жаловал католическому духовенству из королевских владений земли для основания монастырей. Эту же практику поддерживали и его сыновья. Во время завоеваний франками областей южнее Луары Хлодвиг распорядился, чтобы имущество и рабы, захваченные у церкви и клириков во время военных конфликтов, были им возвращены. Духовенство же освящало власть королей, подтверждая представление о короле как о суверене и законодателе, стоящем над подданными. Но в то же время король в глазах подданных должен был быть и их защитником. Таким образом церковь как бы внедряла в сознание подданных представление о том, что государство — это социальный институт, которому чужда германская частно-правовая интерпретация королевской власти и присущая идеологии позднеримского государства. Позже это нашло свое отражение в законах варварских государств.

Обращенная в католичество, династия Меровингов утверждала, что правит христианским царством. Уже в конце правления Хлодвиг умножал фонды церквей, монастырей и благотворительных учреждений. Короли и меровингские королевы далее появляются как важные собеседники Папы по вопросам православия, церковной дисциплины или отправления миссии к далеким народам. Франкские государи в этом качестве весьма преуспели в переписке с Григорием Великим. Несмотря на некоторую напряженность, Церковь признавала за меровингским королем особый статус, так как он нес ответственность за спасение всех своих подданных. Для этого епископы не отказывались утверждать, что король был поставлен Богом править франками[4].

Своим прямым участием в государственных делах католическая церковь не просто способствовала укоренению в варварском обществе элементов римской

государственности, ускоряя этим синтез германо-романских отношений в политическом устройстве Меровингской Галлии, но и способствовала утверждению религиозно-нравственных принципов в эту непростую эпоху, когда прежние культурные традиции были разрушены из-за распада Римской империи и завоевания варварами её западных провинций.

В таких условиях церковь, проповедуя христианскую мораль, оказывая влияние на дела судопроизводства, своим участием в разборе семейных и других тяжб прихожан, оказывала огромное влияние на нравственное состояние общества той эпохи.

Для жизни и искусства всего огромного периода средневековья характерно влияние той организованной силы, которая в известном аспекте представляется в нем доминирующей, — религии и церкви. Этот факт двояко отразился на жизни средневекового искусства. Сливаясь с верхами феодального общества, члены клира заняли в нем положение хозяйственных владык, как крупные помещики и администраторы целых церковных княжеств, церковных земель, официальные руководители огромной социально-экономической силы, которую они направляли на возвеличивание церкви в искусстве[5]. Другой стороной этого явления было развитое в обществе влияние религии над умами, подчинявшее их и дававшее преобладающее содержание образам искусства. «Искусство принадлежит художнику,—говорило правило Никейского собора,— расположение — церковному пастырю»[6].

Раннесредневековое искусство представляется направленным преимущественно на нужды церкви. Характеризуя художественную деятельность раннего средневековья, следует говорить не о частных домах или даже о дворцах, а о монастырях и соборах, о миниатюрах церковных кодексов, ча не об иллюстрациях мирских книг, о монастырских мастерских, а не о мастерских светских, и меньше всего — о свободном заказе произведений искусства.

Здесь очень важно отметить, что церковь в то время была не просто основным, а чуть ли не единственным, хотя и своеобразным, хранителем традиций античной культуры, латинской письменности и латинского языка, который на долгие века стал литературным языком, языком поэзии, истории и философии. Для проповедей идей христианства церковь нуждалась в грамотных людях, а научиться латинской грамоте можно было только по учебникам старых грамматических и риторских школ и по литературным образцам классической словесности. И именно церковь и непосредственно монахи в создаваемых монастырях и стали носителями письменной культуры, которая выражалась, в том числе, в создании и переписывании античных текстов, а позднее и произведений святых.

2.Монастырская культура и производство книг в франкских монастырях Меровингской эпохи

2.1 Зарождение монастырской культуры у франков и деятельность Колумбана по созданию монастырей. Сложение монастырской системы в эпоху Меровингов

Излишне связанное со светской жизнью и властью, духовенство не могло не испытывать ее влияние, в следствии чего произошла некоторая «духовная порча» представителей Церкви. В этих условиях благочестивые люди начали приходить к выводу, что избежать этого можно только если уйти из светского общества и отказаться от его благ. Отсюда и произошел быстрый рост популярности монашества как образа жизни.

Монашество зародилось в Египте; в Галлии его, возможно, ввёл изгнанный в IV веке в Трир Афанасий Александрийский. Святой Мартин Турский основал монастыри около Тура и Пуатье. Кассиан также способствовал развитию монашества в Галлии: после десятилетнего странствования по Египту, в начале V века, вернувшись в Галлию, он основал в Марселе два монастыря – мужской и женский. Так было положено начало монашеству в Европе.

Позже Гонорат, выходец из знатной семьи язычников, принял христианство и по возвращению с Востока поселился на одном из пустынных Леринских островов. Прослышав об этом, к нему со всех сторон потянулись последователи, жаждущие уединения и тишины: «лагерь Господень» был раскинут[7]. На соседних Иерских островах также появляются другие монастыри, образуя группу вокруг Лерина.

В остальной Галлии также происходит быстрый рост количества монастырей: около Вьенны , на острове Барб близ Лиона, Мутье-Сен-Жан в Реомэ, Сен-Клод в Юре, Лош в Турени, Сен-Жуан и Сен-Мексан в Пуату и множество других.

Культурное движение «становящегося средневековья» в Галлии, в очень видных его проявлениях — по образцу и в подражание христианскому Востоку (Египту, Сирии) — надолго закрепилось в монашеском движении. На Западе, после эфемерных явлений монашества по уставам Мартина Турского и Кассиана Леринского оно пошло от инициативы Бенедикта Нурсийского. Около 530 года зависть и интриги местных монахов вынудили Бенедикта переселиться из своей пещеры возле реки Анио на гору близ Кассино, где основал знаменитый монастырь Монте-Кассино, который позже был признан первым в Европе официальным монастырем. Монастыри, существовавшие до этого, представляли собой хаотичные монашеские общины, лишенные какой-либо организационной структуры и правил. Бенедикт же создал первый монастырь как системное учреждение с четкой структурой, регламентом и уставом.

Говоря о культуре именно меровингских монастырей, следует подробнее остановиться на такой значимой фигуре в истории франкской церкви, как св. Колумбан (Колумба Младший), который основал монастыри, оказавшие огромное влияние на книжную культуру франков.

К моменту появления Колумбана на земле франков в 575 году уже существовала система монастырей, в которых при этом еще не было единообразного общепринятого Устава.

Колумбан родился и вырос в Ирландии. Поступил в монастырь в Бангоре в то время, когда ирландские монастыри были культурными центрами.

С группой монахов в 591 году покинул Ирландию (которая в тот период была центром распространения христианства и церковной образованности на Западе) и отправился на континент, чтобы «сеять свет» в Европе. «Кто ищет знания, пусть купит его у нас». Покидая родину, гибернские скитальцы руководились девизом: «Сперва родину следует учить по примеру господа, а потом — покинуть, по примеру апостола». На континенте Колумбан основал ряд монастырей: в Бургундии, Нейстрии, Австразии и Лангобардском королевстве.

В 575 году высадился он на берегах Соммы и вскоре за этим основал свой первый монастырь (Анегрей) в пустынных Вогезах. За первым монастырем, при содействии покровительствовавшего Колумбану короля бургундского Гунтрамна, возникает второй, в Луксёйе в 590 году .

За Луксёйским монастырём появляется третий в Фонтене, и число монахов Колумбана доходит до 600 человек. Тогда же его последователи основали монастырь в Лане в 580 году.

При правлении Хлодвига его жена Батильда основала монастыри в Корби и Шеле в 657 году, пригласив туда монахов-колумбанцев из Луксёйя.

Из-за столкновений с королевой Брунгильдой Колумбан бежал в Нейстрию, потом в Австразию, потом на берега Констанцкого и Цюрихского озер, пока в 612 г. не перешел Альпы и в Северной Италии — с 570 г. это держава лангобардов — нашел оседлость, создал обитель, библиотеку и скрипторнй, в то время (613 г.) как его спутник св. Галл положил начало Сен-Галлеискому монастырю. Таким образом, все наиболее значимые мастерские письма Европы — Франции, Италии и Швейцарии— основаны инициативой ирландцев и начинали свою деятельность согласно Уставу св. Колумбана.

Устав Колумбана написан в период между 591 и 610 годами для континентальных монастырей Аннегрей, Люксей и Фонтейн, которые король Меровингов Гонтран попросил его реформировать; он настаивает на достоинствах монахов. Это правило действовало в первую очередь в аббатстве Люксей, сначала основанном св.Колумбаном в 594 г., затем в Люре и Фонтен-ле-Люксей. Когда Колумбану пришлось покинуть Люксей, он поселился в Евстезии, затем основал монастыри Боббио и 18 других. Устав имел определенный успех, и почти 90 монастырей приняли либо основы учения Колумбана или их адаптацию. Также устав использовался женскими или двойными монастырями, такими как Шель.

Чрезвычайно суровый, иногда неточный Устав, он впоследствии был изменен или

оставлен: уже в 628 году Устав святого Бенедикта ассоциируется с Уставом святого Колумба в принадлежащих ему монастырях. В 745 году совет франков, возглавляемый святым Бонифацием Майнским, выступал за принятие бенедиктинского Устава для всех монастырей королевства. При этом, несмотря на то что Колумбан был выходцем из Ирландии, его Устав никогда не использовался на Британских островах.

Тем не менее, в ходе реформ IX века, св.Бенедикт Анианский принимает некоторые статьи Устава св.Колумбана в Устав святого Бенедикта, а Ахенский собор в 817 году объявил бенедиктинский устав обязательным для всех монастырей[8].

Значение Колумбана в истории западноевропейского монашества заключается в выдвинутом им моменте духовной культуры и способствующем распространению монашества энтузиазме основанных им общежитий, а основанный им около 612 года монастырь Боббио в Италии сделался одним из значительнейших центров духовной культуры, сосредоточившейся в монастырях.

Первым монахам приходилось самоотверженным трудом отстаивать свое существование, врезаясь с топором в руках в девственный лес, осушать болото, подымать новь, оберегаться от диких зверей. На окраинах христианского мира им приходилось выдерживать натиск языческих варваров и шаг за шагом нести свет христианства. Позднее князья оценили их хозяйственную, колонизаторскую деятельность и старались воспользоваться ими для подъема культуры своих земель, по возможности облегчая первые шаги монахов: даже если монастырь основывался в совершенно дикой местности, в распоряжении у него находилось достаточное количество сервов и свободных, жадно бросающихся на отдаваемые на выгодных условиях участки земли.

Экономическое развитие монастырей, вызванное и естественными следствиями труда первых монахов, и популярностью монашеского идеала, и колонизационной политикой государей, изменило их облик, превратив их в земельных магнатов, а следовательно, и в социально-политическую силу[9].

В период активного основания монастырей в Европе книжное дело всецело переходит в руки монахов, чему дает могучий толчок реформа бенедиктинского ордена, осуществленная Кассиодором, который сделал переписывание книг одним из главнейших положений монашеского устава.

К моменту исчезновения династии Меровингов в 751 году на территории Франкского государства действовало большое количество монастырей, принявших колумбанский или бенедиктинский устав, в которых шла постоянная работа по копированию и созданию рукописных книг.

2.2 Организация и уклад монастырей в Меровингской Франции.

Книжная культура в монастырях

Большинство монастырей на раннесредневековом Западе напоминали монастырские деревни египетского Фиваида: то есть рабочие сельскохозяйственные общины, организованные вокруг ежедневного режима молитвы и труда. Однако, в отличие от монастырей Пахомия, в которых размещались тысячи монахов и монахинь в девяти основанных им общинах, европейские монастыри, как правило, были меньше. Один монастырь во Франции, в Корби, возможно, имел 350 монахов до 1006 года, но это считалось бы большим домом для этого периода. Для шестого века средняя цифра была бы гораздо меньше: Автор монашеского правила, известного как правило учителя, предполагал общину примерно из двадцати пяти монахов, и согласно традиции, Святой Бенедикт основал около дюжины монастырей, прежде чем основал Монте-Кассино, каждый из которых содержал двенадцать монахов. Условия, безусловно, благоприятствовали маленькой общине, потому что она могла легче избежать превышения своей способности поддерживать себя, чем больший дом, и чем проще ее характер, тем легче было бы восстановить после мусульманского, мадьярского или Викинговского набега, или даже христианского, поскольку такие нападения также предпринимались христианскими лордами[10].

Ранние монастыри на Западе были простыми, даже в Италии, где сохранилось больше классической инфраструктуры, чем где-либо еще. Типичный комплекс состоял из одноэтажного, небольшого каменного здания, в котором размещалось около дюжины монахов с комнатами, предназначенными для сна, еды и чтения, и простой ораторией (латынь orare, молиться) или местом молитвы, которое содержало алтарь и скамьи. Жилье для гостей и послушников, а также складские помещения, кухня, мастерские и надворные постройки будут пристроены к этому центральному зданию или окружать его. За этой прямолинейной схемой скрывается забота о том, чтобы соблюдалась преднамеренная специализация пространства, чтобы комната использовалась только по назначению: спать в спальне, есть в трапезной, хранить пищу в погребе и так далее, ибо, как указывал Бенедикт в главе 52 своего правила (о монастырской молельне): «пусть молельня будет тем, что она называется, местом молитвы; и пусть там больше ничего не делается и не хранится.»[11].

Докаролингские источники не упоминают монастырских школ, — ни как четко отграниченной локации, ни как отдельных институтов, образующих целостную часть монашеской жизни. Дети появляются в монашеских правилах в связи с вопросами их ухода, соответствующего возрасту вступления в монастырь или ритуалов, окружающий их уход из внешнего мира. Есть даже правила, которые касались монастырских строений, архитектуры или о других помещений, но в них нет упоминаний о школах, учителях, учениках или классных комнатах[12].

Под библиотеку отводился обширный зал на верхнем этаже монастыря. Существовали особые постановления о способах обращения с книгами: их необходимо было хранить в помещении, обшитом изнутри досками, чтобы сырость не могла повредить рукописи. Книги расставляли так, чтобы он не стесняли друг друга[13].

Конечно, было много преемственности между поздней античностью и Меровингским укладом монашеской жизни. Почти с самого начала грамотность и письменность заняла прочное положение в пределах монастыря, и труды святых отцов использовались в первых монастырях, основанных в Галлии в V веке. Такие основы возникли в среде, пропитанной культурой грамотности и позже, в меровингском обществе, монастыри оставались местами грамотности. В Меровингские времена можно наблюдать «экспорт грамотности» из монастырей во внешний мир. Тем не менее, чтению и письму, должно быть, учили за пределами монастырей, чтобы удовлетворить требования Меровингов. Как бы то ни было, агиографические источники изображают Меровингских святых как получившие свое интеллектуальное образование — важное качество в святом человеке — почти исключительно до их обращения в религиозную жизнь. Большинство из этих святых получили образование в доме своих родителей, при дворе или в качестве священнослужители в епископском доме. По словам их агиографов, эти святые привезли свою грамотность, знания и образование в монастыри, чтобы изменить их в соответствии с монашеским религиозным идеалом[14].

Целью «монастырской науки» было чтение и изучение Священного Писания и душеспасительных книг, особенно житий святых и пустынников, а также переписывание книг.

В заметном контрасте с их каролингскими преемниками, Меровингские писатели, о которых мы знаем, не имели монашеского происхождения. Единственным исключением являются в основном анонимные авторы биографий монахов и настоятелей, которые были в значительной степени произведены для монахов и, вероятно, написаны в монастырях. Однако, ни Григорий Турский, ни Дезидерий Кагорский, ни Венанций Фортунат, ни авторы хроники Фредегара не происходили из монастырей. Меровингская литературная продукция, по-видимому, происходила из городов и епископств, а не из монастырей. Кроме того, Меровингская монашеская грамотность не была ориентирована на интеллектуальную и просветительская деятельность: главная причина того, что религиозные общины оставались грамотными — это их главный opus dei. Было просто невозможно поддерживать литургическое богослужение, просто полагаясь на память. И конечно же монашеская жизнь вращалась вокруг повторения слов Библии и отцов церкви писателей, и пока нет указания на то, что такое повторение подразумевает аналитический подход к священным текстам. Только древнейшее западное правило — Regula quattuor patrum (ок. 400-10) — упоминает владение книгами. И общая экзегетическая деятельность как часть монашеской рутины, оговаривая, что опасные внешние воздействия должны быть тщательно сдержаны, в последующих монашеских правилах, происходящих из галльской экзегетической и интеллектуальной деятельности, как часть нормальной монашеской жизни больше не упоминается. Первые франкские монастыри с традицией производить и сохранять книги были основаны в первой половине седьмого века. Наиболее важными примерами являются так называемые «Ирландско-франкские» монастыри Люксей и Корби. Примечательно, что ни в одной монастырской библиотеке нет традиции возвращаться к поздней античности. Несомненно, самые ранние

основанные монастырские — такие как Лерин, Сен-Морис и Сен-Жан — имели библиотеки, но их книги не оставили никаких следов[15].

Монашеская культура раннего средневековья не была направлена на просвещение простых людей – их деятельность была подчинена монашескому Уставу, по которому они жили, и который предписывал им жить в благочестии и в том числе заниматься физическим и умственным трудом – таким, как переписывание Священных текстов.

2.3 Роль колумбанских монастырей в формировании книжной культуры франков. Изготовление и иллюстрация рукописей

Если королевские фигуры выделены в меровингских хрониках, то власть здесь проявляется через тексты, объекты и рукописи, которые сегодня возвращают нам некоторые из них материальные и символические аспекты.

Мастерские письма в меровингских монастырях опробовали различные каллиграфические опыты, от которых сохранилось несколько сотен рукописей и фрагменты в унциальных и полуунциальных священных писаниях античной традиции и в священных писаниях скорописью. Самые древние из этих скрипториев были расположены на большой территории, находившейся под римским влиянием, на юге и в долине Роны (Лион), но другие были основаны по всей территории Галлии: Корби, Тур, Флавиньи, Бурж, Флери, Сен-Медард-Суассон, каждый из которых разработал свой собственный почерк, — как угловатый и вытянутый минускул в Луксейе, так называемое письмо a-z в Шеле или отрывистая графика Лаона. Распространяемым текстом была в основном Библия и комментарии к ней, а также произведения отцов Церкви и кодексы законов. Но употребление написанного сохраняется и за пределами книги: в канцелярской практике, в эпитафиях.

Эпоха Меровингов, особенно начиная с середины VII века, стала временем расцвета иллюминированной книги. Колумбанским уставом монахам предписывалось, в том числе, и изготовление книг: «Рекомендуется спать как можно меньше: монаху не следует ложиться спать, пока он не устанет. Для достижения этого правила предусмотрено множество работ, правил и интеллектуальных занятий: просторные скриптории были организованы для копирования иллюстрированных рукописей»[16].

Меровингское иллюминирование VII—VIII веков знаменует собой новый этап раннеевропейского искусства книги. В меровингской книге отсутствует иллюстрация и очень редко встречается изображение человеческой фигуры, зато большое внимание уделяется шрифту и его красоте. Появляются богато оформленные инициалы, украшаются слова текста — особенно начальные строчки разделов, появляются знаки лигатур и аббревиатур.

Все художественные приемы времен меровингов направлены на поиск эффектов, а зрелищность достигается прежде всего чистотой форм. Парадигма, главенствующая в

выражении художников, заметна по выделению христианских символов и использованию орнамента для акцентирования христианского послания, помещенного в центр произведения. Искомое визуальное воздействие тем сильнее, что форма сводится к главному.

Первые памятники письменности франков обычно ограничивается инициалами. Инициалы сделаны в большинстве

из более-менее стилизованных птиц и рыб. Происхождение этого зооморфного декора, распространенного повсюду у Меровингов, точно не установлено, но можно предположить, что он родился в византийской Италии, возможно, даже в монастыре Виварий (от лат. vivarium — «рыбный садок, пруд»), основанном Кассиодором — рыба будет тогда как своего рода товарный знак. Этот декор варьируется в зависимости от регионов: Луксей, Корби, Лан и Северо-Восток, Флери. Идеально подходящий для инициалов, он будет расширяться и использоваться почти до конца X века[17].

Украшение меровингских рукописей — это птицы, рыбы, растительные мотивы, пальметки и розетки. Все это раскрашено яркими красным, зеленым и желтым цветами, унаследованными от декоративно-прикладного искусства полихромного стиля. В оформлении книги ощущается восприятие буквы как языческого магического знака.

Отсутствие иллюстраций и редкость антропоморфных изображений в меровингских рукописях объясняется тем, что в этот период во Франции переписывались в основном не Евангелия, а богослужебные книги и сочинения Отцов Церкви, которые давали меньше возможностей для иллюстрации. Возможно, сказалось и влияние проникших в то время в Европу идей иконоборчества, пришедших с Востока[18].

Выделение инициала, которого не знали ни античный свиток ни античный кодекс, начинается в европейской иллюстрации уже в V, и в особенности в VI веке. Развивается интересное творчество разнообразных цветных инициалов, а также фронтисписов с их местными мотивами: рыбы и птицы, с подражанием античным мотивам — аканфу, пальметте, а также мотивам техническим — плетенке, резьбе, эмалевой инкрустации. С VII, и в особенности VIII в. инициал растет в размерах и все чаще превращается в рамку для отдельного изображения или целой сцены[19].

В меровингских книгах впервые в западноевропейской иллюстрации появляются антропоморфные инициалы с вписанными в них изображениями Христа или священнослужителей. Так, … (рукопись)

Конечно, франкские писцы были знакомы с германской и римской традицией иллюстрации, на основе которых можно было украшать книги, но именно Меровингское, коренное творческое мастерство видоизменило эти традиции, создав особое искусство и новый тип иллюстрации книг. В каждом монастыре, в зависимости от того, что туда было привнесено его основателями, и от культурных связей,

развивался свой стиль книжной иллюстрации

Монастырь Лан был основан в 580 и первоначально следовал Уставу Св. Колумбана.

В 1359 году во время Столетней войны английские войска Эдуарда III напали на плохо укрепленную часть города и подожгли аббатство, уничтожив его богатую библиотеку[20]. Поэтому из известных нам сохранившихся ланских рукописей известны только три – «Разыскания на Семикнижие» св. Августина (BNF lat. 12148) и два кодекса, хранящиеся в библиотеке города Лан. Рукопись из Национальной библиотеки примечательна тем, что в нее в начале IX века были внесены исправления письмом маудрамнова типа, а также содержит экслибрис корбийской библиотеки XVII века[21], что еще раз подтверждает наличие постоянных культурных связей между колумбанскими монастырями.

Стиль иллюстраций этих трех рукописей обнаруживает композиционное сходство – почти полностью заполненная первая страница, и обильное использование мотивов птиц и рыб, характерное для севера Франции в эпоху Меровингов — в соответствии с принципами, регулирующими оформление рукописей в то время, рукопись открывается страницей-фронтисписом, в то время как остальная часть декора состоит из украшенных инициалов[22].

В Ланских рукописях можно увидеть первые характерные признаки меровингской иллюминаци. Э. Х. Циммерман был склонен отвергать влияние Лана на книжную живопись, но этот скрипторий, несомненно, был важен для привлечения внимания к потенциалу украшенного оригинала и к известности и важности, которые украшение могло придать любому тексту. Зооморфный орнамент некоторое время оставался незначительным элементом в декоре, но постепенно он стал доминировать над первоначальным так, что изгибы тел птиц, рыб и животных образовали изгибы букв[23].

Луксёй — один из первых монастырей, основанных Колумбаном в 590 году. В поисках места, подходящего для постоянного проживания его общины, Колумбан выбрал руины галло-римской деревни Луксовиум, на том месте, где были руины римских термальных ванн. Иона из Боббио дает точное описание здания: «Там, посреди растительности, стояли каменные статуи, которым поклонялись язычники в соответствии со своей несчастной верой». Благодаря пожертвованиям Хильдеберта II монахи построили на месте руин христианское аббатство, как вызов ранним языческим верованиям.

Под влиянием интеллектуального и духовного импульса ирландских монахов аббатство Люксей, посвященное Святому Петру, быстро стало одним из самых важных и динамичных монастырей франкской Галлии и наиболее значительным духовным и культурным центром. Это аббатство было известно своим скрипторием, активным с середины VII века, а также как место создания первого каллиграфического типа письма, известного как «Луксёйское письмо» Меровингов с орнаментом, заимствованным из ирландской грамматики. Уникальный каллиграфический стиль

Луксёйских книг показывает потребность их создателей организовать текст и рукопись как единое целое, и все украшения в манускриптах из Луксёйя были подчинены этому общему зрительному впечатлению[24]. Возможно, в силу того что и сама монашеская жизнь в Луксёйе была подчинена колумбанскому строгому уставу, и было принято решение о принятии здесь типа письма, также требующего строгой дисциплины от писца.

Скрипторий аббатства Луксёй, уже после нескольких десятилетий после основания, приобрел высокую репутацию в качестве мастеров по изготовлению рукописей. Так, монахами Луксёя были созданы такие красочные рукописи, как Лекционарий из Луксёйя и Готский Миссал. Лекционарий из Луксёйя украшен декоративными буквами, выполненными в ярких тонах, с зооморфными украшениями: рыбами, птицами и цветами. Стиль иллюстрации рукописи указывает на римские влияния в сочетании с меровингской оригинальностью. Готский Миссал также не содержит образных или сюжетных миниатюр, а украшен инициалами из рыб и маргиналиями на полях.

Скрипторию Луксейя также приписывают[25] и Евангелие Гундогина, созданное в 754-755 гг. писцом Гундогином. Рукопись примечательна тем, что содержит одно из древнейших фигурных изображений во франкских рукописях. Эта рукопись часто рассматривается как пример противодействия нового франко-папского альянса византийскому иконоборчеству[26].

Известно, что скрипторий Луксёйя изготавливал рукописи не только для нужд своего монастыря. Например, наличие датированного колофона в копии сочинений Августина в библиотеке Пирпона Моргана позволяет предположить, что этот манускрипт был написан для экспорта — рукопись была в Бове в IX веке. Луксёйский Codex Ragintrudis в Фульде был скопирован для дамы, которую звали Рагинтрудис, и с девятого века кодекс упоминается в связи со Святым Бонифацием (по легенде, именно этим кодексом святой пытался защититься от мечей врагов. Не защитился.). В РНБ хранится рукопись, которая была скопирована в Люксейе для Корби, также тщательно украшенная. Эта Корбийская рукопись Historia Francorum Григория Турского была начата луксёйским письмом и завершена уникальным минускульным курсивом[27]. Лекционарий из Луксёйя, вероятно, был скопирован для монастыря Лангре. В начале девятого века шесть других луксёйских манускриптов находидись в библиотеках монастырей Лорша, Райхенау, Вайсенбурга и Регенсбурга и в соборных библиотеках в Вюрцбурге и Вероне[28].

Влияние Луксейской иллюстрации распространилось на многие дочерние монастыри, которые основали выходцы из Луксёйя. Есть несколько Бургундских рукописей, которые не образуют группу, но в которых так или иначе проявляется влияние Луксёйя.

Аббатство **Корби** было основано в 657—661 годах королевой Батильдой, матерью Хлотаря III, короля Нейстрии и Бургундии. Основной целью создания монастыря была

дальнейшая христианизации страны. В 662 г. около пятидесяти монахов, прибывших из Луксея по приглашению Батильды под руководством их аббата Вальберта, поселились в помещении, которое им было приготовлено. Они следовали очень аскетическому правилу св. Коломбана. Это правило было смягчено впоследствии применением правила Св. Бенедикта, при аббатстве Эремберта. После того, как монахи развили свое поместье, они возделывали его своими силами, а затем посвятили себя изготовлению (в своем скриптории) рукописей, которые обогатили их монашескую библиотеку. Всё это сделало Корби одним из самых важных монастырей на христианском и романском Западе.

Из дошедших до нас манускриптов меровингской эпохи корпус корбийских рукописей сохранился лучше всего – около 360 манускриптов хранятся в BNF, чуть меньше – в муниципальной библиотеке Амьена, и 36 рукописей – в РНБ[29]. По составу книг можно судить о степени развития книжной иллюстрации в эпоху Меровингов. Кроме того, собрание корбийских манускриптов указывает на то, что аббатство Корби поддерживало связь с другими колумбанскими монастырями: с Италией, возможно через аббатства Боббио, также принадлежавшего к монастырской традиции св. Колумбана. Среди манускриптов, привезенных в Корби из Италии — унциальная рукопись из монастыря Виварий (РНБ. Q.v.I. 6-10, VI в.) и кодекс с сочинениями Тита Ливия (BNF lat. 5730, 2-я пол. V в.) *BNF*. О контактах Корби с Луксёйем говорит тот факт, что самые ранние рукописи, созданные в Корби, выполнены почерком, схожим с т. н. люксёйским минускулом (например, богато украшенный манускрипт «Истории франков» св. Григория Турского — BNF lat. 17655, VII в.) *BNF*.

Корбийская мастерская письма, несмотря на то, что была основана в века «меровингского варварства», стояла на пути очень широких связей «античных» путей , которые соединяли галльский северо-восток с аквитанским югом, Ла-Манш — с Бискайским заливом, океан — со Средиземным морем, «острова океана» и Францию — с Италией. Это позволяет понять, почему в корбийских рукописях отразилась меровингская, ирландская, англо-саксонская и возрожденные античная и итальянская культура. Меровингские рукописи из Корби вобрали в себя мозаику разных писцов (местных и островных), что проявилось в орнаментально-красочном уборе рамок, заставок и концовок, инициалов и фронтисписов.

Одними из первых в Корби попали итальянские, античные рукописи[30]. Их унциалы оказали воздействие на декорацию ранних корбийских рукописей, где перемычки и дуги букв образованы миниатюрными извивающимися рыбками, многоцветными с преобладанием зеленого, красного и желтого. Рукописи аббатства Корби используют меньше животных, но больше украшений, таких как «глаз быка» (круг с точкой в середине). С середины VIII века в книгах этого скриптория появляется все больше и больше «плетенок», заимствованных у островного искусства.

О.А. Добиаш-Рождественская выделяет 4 типа иллюстрации корбийских рукописей:

1.Островной тип, в котором воспроизведены только самые основные схемы островного

декора: игра цветными пятнами внутри заглавных букв и простая идея чередования цветов. Стиль проявился, к примеру, в F.v.I.3, где писцы украсили начальную красивую U красной и черной инкрустацией, окружили ее точками, обрамили страницу красными и черными переплетениями[31].

2.»Византийский» вырождающийся стиль, где часто встречаются листья плюща, увенчивающие обычные названия, иногда ветви аканта, венчающие инициалы и наполняющие их хастой. В другом месте это пальметка, но только ее половина, лепестки которой, имеющие двойные и очень толстые очертания, выстилают вогнутую сторону округлых частей. Таков узор рукописи Q.V.I.14. Этот стиль позже расцветет в Каролингской миниатюре, здесь же мы видим эти узоры фрагментарными, изолированными друг от друга.

3.Ранний корбийский тип, который сформировался у выходцев из Луксёйя. Здесь, наряду с элементами архитектурного характера (искусное обрамление страниц и венчание их целой системой аркад и треугольных кущей), встречается множество изображений рыб примерно одинаковой величины, очень жестких, с маленькой и заостренной головкой, которая, как форма и цвет, сливается с остальной частью тела, причем это выглядит вышитым рисунком (ветки, полоски, заостренные листья и т. д.), раскрашенным чисто декоративными, парадоксальными цветами.

Рыба корбийского стиля а) стилизованная, б) живая и часто извивающаяся, разных размеров, от 5 см до 0.5 см, поэтому она всегда более узкая и стройная по сравнению с рыбой в иллюстрациях Луксёйя[32]. Она часто лишена хвоста и имеет симметричное украшение со стороны головы и хвоста в обычных для меровингов цветах: красный, вишневый и синий. Эта рыба слишком часто представлена геометрической формой (двумя сегментами), нарисованной крест-накрест окружностей, так что из нее рождается целая звезда лепестков-рыб. Стилизованная корбейская рыба также появляется там, где, скрученная и изогнутая, она образует округлости букв B, C, D, O, P, Q.

4.Поздний корбийский тип, который появился уже накануне Каролингского возрождения. В нем нет ни утонченности, ни обаяния раннего типа, рубрики и инициалы опущены, нарисованы только нераскрашенные контуры. Наиболее заметными мотивами в этом типе иллюстрации являются группы однородных и жестких птиц и рыб. Их слишком яркие цвета, где синий почти исчез, красный и темно-зеленый естественный уступили место кричащим красным и зеленым цветам, вряд ли могут напоминать очарование красок первой эпохи.

Женский монастырь Шель был основан Батильдой примрно в одно время с Корби – в 657 году, на месте бывшей резиденции Меровингов, где королева Клотильда , жена Хлодвига I, построила небольшую часовню. Аббатство Шель получало постоянную поддержку от Батильды. Она расширила часовню Клотильды и построила новую церковь, посвященную Святому Кресту. Около 665 года Батильда ушла сама в этот монастырь, и после ее смерти в 680 или 681 году была там похоронена.

Батильда и аббатство быстро создали внушительную репутацию аббатству своим поощрением обучения, что привлекло в Шель и монахов-мужчин, что привело к его превращению в двойной монастырь к концу VII века.

Монахини Шеля были известны как искусные переписчики и авторы рукописей. Многие жизнеописания монархов и членов их семей выходят из их скриптория, наряду с Житием нескольких святых. Гизела, сестра Карла Великого и настоятельница монастыря, была особенно известна своим умом и обучением, а также требованием нескольких книг и библейских комментариев для библиотеки монастыря. Монахини владели или по крайней мере имели доступ к Annales regni Francorum и Continuationes Fredegarii, которые были и остаются важными источниками для написания истории[33].

В монастыре находился скрипторий, в котором в качестве писцов был консорциум из не менее девяти монахинь. Сохранившиеся рукописи Шеля не иллюстрированы, но аббатство Шель связано с созданием уникального стиля письма[34]. Джейн Стивенсон считает, что в скриптории работало около четырнадцати монахинь, работающих под руководством монахини-писца, и описывает скрипторий Шеля как один из наиболее продуктивных в восьмом веке, и следовательно, как значительное ядро интеллектуальной деятельности эпоих меровингов. Сохранившиеся тексты монахинь включают части кельнских рукописей «Комментарии Августина к Псалмам», «Церковную история Евсевия», фрагмент «Этимологии Исидора Севильского» и различные другие работы епископа, а также копию Диалога Григория Великого и фрагмент его Гомилии в евангелии[35]. Многие из рукописей подписаны женщинами, такими как Гирбалда, Гислидис, Аглеберта, Адрухик, Алтилдис, Евсевия и Вера. Это указывает на существование коллектива, работающего в шельском скриптории. Розамунд МакКиттерик в своей монографии предположила, что высокое качество рукописей указывает на то, что книжники в Шеле были талантливы и понимали тексты, которые они копировали, а тот факт, что многие из этих текстов были авторитетными работами, написанными ранними богословами католической церкви, также дает Маккитерик уверенность в том, что писцы были хорошо образованы[36].

Таким образом, принципы иллюстрации книг, заложенные в монастырских скрипториях меровингской Франции начиная с VI века, и развивавшиеся на протяжении двух последующих веков, не только не исчезли, но и, трансформировавшись в новых условиях, дали импульс к развитию придворных школ иллюминирования в Каролингском возрождении.

Заключение

Общественная и культурная жизнь Франции в эпоху правления Меровингов складывалась под влиянием взаимодействия таких двух систем, как власть и церковь. Поддерживая и дополняя друг друга, этот синтез создал условия для развития на территории франков монастырской культуры.

В V – VIII веках на территории современной Франции, в эпоху правления Меровингов, сложилась своя, уникальная система монастырей, в скрипториях которых переписывались и создавались манускрипты, до сих пор поражающие мастерством письма и иллюстрации. Этот труд, наряду с другими обязанностями, предписывался монашеским Уставом: переписывание книг носило чисто утилитарный характер – книги нужны были для проведения богослужений. Обучение грамоте монахов также было подчинено той цели, чтобы монах мог читать и понимать труды Святых Отцов. Соответственно, в эту эпоху, на этапе становления монастырского уклада, копировались только богослужебные тексты, где роль иллюстрации как визуальной составляющей текста, была минимальна.

Между монастырями существовал обмен книгами – так, Historia Francorum Григория Турского, хранящаяся в РНБ, в начале написанная луксёйским письмом, закончена минускульным курсивом, принятым в Корби. На сам же корбийский стиль иллюстрации повлияли итальянские рукописи, которые одними из первых попали в этот монастырь — так, мы видим влияние итальянского унциала на оформление манускриптов Q.V.I. №№6-10 из корбийского собрания РНБ.

Меровингская школа создания и иллюминирования книг, сформировавшаяся в колумбанских монастырях и непохожая ни на что другое, вобрала в себя черты островной иллюстрации и несмотря на минимализм оформления, оказала значительное влияние на распространение книжного знания и принципов создания книги в раннем Средневековье. На примере франкских рукописей можно увидеть, как зарождалась и формировалась книжная культура в Европе. Традиция иллюминирования книг в эпоху Меровингов не только внесла весомый вклад в культуру раннесредневековой Европы, но и определила ее развитие.

Меровингское искусство иллюстрированной книги, зародившееся во франкских монастырях и подарившее мировому искусству множество важных манускриптов, оказало влияние на последующие принципы иллюминирования книг в Европе. Прекращение династии Меровингов не означало конец меровингского искусства — если Пипин Короткий в 751 году знаменует собой вхождение в цивилизацию Каролингов, то основные черты меровингского искусства продолжают проявляться и во второй половине VIII, и в начале IX века, что можно увидеть на примере рукописи F.V.I. 6, датированной концом VIII века, где все еще присутствуют плетенки и аканты, свойственные меровингской иллюстрации.

В правление Пипина Короткого происходит поиск новых религиозных и политических направлений. Религиозная реформа, осуществленная Пипином, привела к принятию Римской литургии и производству новых богослужебных книг. И такие письменные памятники, как Евангелие Гундогина или Геллонский сакраментарий, органично вписываются в это литургическое возрождение. Эти богато украшенные рукописи свидетельствуют о реальной непрерывности художественных форм меровингской эпохи, в то же время знаменуя эволюцию в области иллюминирования манускриптов, которая триумфально проявилась в Каролингских рукописях.

Библиография

1. Бикеева Н. Ю. Женский монастырь и его обитатели в системе межкультурных взаимодействий франкского королевства второй половины VI века // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2009. №2-1. — с. 115-122
2. Бикеева Н. Ю. Роль святых королев в системе патроната раннего Средневековья // Манускрипт. 2017. №6-1 (80). — с. 30-33
3. Григорий Турский. История франков / Пер с лат. В.Д. Савуковой. — М.: Наука, 1987. – 464 с.
4. Добиаш-Рождественская О.А. История письма в Средние века — М., 1987. 230 с.
5. Добиаш-Рождественская О.А. Культура западноевропейского средневековья. – М.: Наука, 1987
6. Добиаш-Рождественская О.А. Мастерские письма на заре западного Средневековья и их сокровища в Ленинграде. Л., 1930. – 32 с.
7. Дюби Ж. Европа в средние века. – Смоленск, 1994. – 210 с.
8. Иванов, К. А. (1858-1919). Средневековый монастырь и его обитатели [Текст] / К. А. Иванов. — 5-е изд., [репр.]. — Москва : URSS : ЛЕНАНД, 2014. — 197, [1] с. : ил.
9. Иванова Е.Ю. Ирландские монастыри в европейской культуре раннего Средневековья [Рукопись] : дис. … канд. культурологии : 24.00.01 / Е. Ю. Иванова ; рук. работы А. И. Щербакова ; СПбГИК. — Санкт-Петербург : [б. и.], 2016. — 260 с.
10. Искусство западноевропейской рукописной книги V — XVI вв. = The art of V-XVI century european manuscripts : каталог [выставки /авт. ст.: О.Г. Зимина и др.]. – СПб. : Государственный Эрмитаж, 2005.- — 335 с. : цв. ил.
11. Карсавин Л.П. Монашество в Средние века. – М.: Ломоносовъ, 2012. – 192 с.
12. Киселева Л.И. О чем рассказывают средневековые рукописи : (Рукоп. кн. в Зап. Европе). — Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. — 143 с., 2 л. ил.
13. Киселева Л.И. Письмо и книга в Западной Европе в средние века : (Лекции по лат. палеографии и кодикологии) / Л. И. Киселева. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. – 309 с.
14. Лависс Э. История Франции в раннее Средневековье. . — СПб.: «Евразия», 2018. –578 с.
15. Бернадская, Е. В. Латинские рукописи V — XII веков Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина : Крат. описание для Свод. кат. рукописей, хранящихся в СССР / [Сост. Е. В. Бернадская, Т. П. Воронова, С. О. Вялова]. — Л. : БАН, 1983-. Ч. 1. — Л. : БАН, 1983. — 83 с.
16. Лебек С. Новая история средневековой Франции. Происхождение франков. V — IX века / Пер. В. Павлова. — М.: Скарабей, 1993. — Т. 1. — 352 с.
17. Ле Гофф, Ж. Интеллектуалы в Средние века / Жак Ле Гофф; [пер. с фр. А.М. Руткевича. — 2-е изд.]. — СПб. : ИД СПбГУ, 2003. — 154,[4] с. : ил.
18. МакКиттерик Р. «Использование грамотности в раннесредневековой Европе» (The Uses of Literacy in Early Mediaeval Europe) 361 p, Cambrige University Press, 1990
19. Малов, В. Н. Меровинги / В.Н. Малов // Вопросы истории. — 2000. — № 6. 150-158
20. Мулен, Л. Повседневная жизнь средневековых монахов Западной Европы. X-XУ

века/ Пер. с фр. Т. А. Чесноковой под ред. В. Д. Балакина; Науч. ред. и послесл. Т. Д. Сергеевой. — М.: Мол. гвардия, 2002. — 346[6] с.: ил.
21. Нессельштраус, Ц. Г. Искусство Западной Европы в средние века [Текст]. — Ленинград ; Москва : Искусство, 1964. — 390 с. : ил
22. Нессельштраус Ц. Г. Искусство раннего Средневековья. СПб. : Азбука, 2000. — 382,[1] с. : ил., цв. ил. ; 27 см. — (Новая история искусства : В 20 т. / М.Ю. Герман, д.иск., проф. и др. Вед. ред. Г.А. Соловьева). — Библиогр.: с. 381-382 и в конце ст.
23. Старостин Д.Н. Франкское королевство эпохи Меровингов: Генезис и трансформация представлений о власти в контексте романо-германского синтеза : автореферат дис. … кандидата исторических наук : 07.00.03 / Старостин Дмитрий Николаевич; [Место защиты: С.-Петерб. гос. ун-т]. — СПб., 2008. — 23 с. есть
24. Старостин Д. Н. Между Меровингами и Каролингами: представления о власти и смена исторической перспективы в позднемеровингский период по материалам исторических сочинений и житий // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. 2008. №1. с.156-167
25. Тьерри, О. Рассказы из времен меровингов / Соч. Огюстена Тьерри; Пер. Н. Трескина. — Санкт-Петербург : А.С. Суворин, ценз. 1892. — 368, II с.; 15.
26. Фредегар Схоластик. Хроники Фредегара [Текст] : пер. с лат., вступ ст. Г. А. Шмидта. — Санкт-Петербург : Евразия ; Москва : Клио, 2015. — 461, [2] с. : карты; 22 см. — (Серия. Chronicon).; ISBN 978-5-91852-097-0 (ЕврАзия)
27. Шпенглер, О. Закат Европы [Текст] : очерки морфологии мировой истории / О. Шпенглер ; пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. — Москва : Мысль, 1998-666 с.
28. d’Ayzac, F. Histoire de l’abbaye de Saint-Denis, Imprimerie impériale, Paris, 1860, t. 1
29. Berthelier-Ajot, N. Chelles a l’epoque merovingienne in Saint Géry et la christianisation dans le nord de la Gaule, Ve-IXe siècles; actes (Villeneuve d’Ascq, France : Université de Lille III, 1986). 345-360.
30. Besse, D. Les Moines de l’Ancienne France (Paris, 1906) .
31. Bishoff Manuscripts and Libraries in the Age of Charlemagne, translated by Michael M. Gorman, Cambridge University Press, 2007.
32. Bourasse, Jean-Jacques. Abbayes et monasteres de France: histoire, monuments, souvenirs et ruines, Tours, A. Mame et fils, 1900.
33. Caron R. Corbie en Picardie de la fondation de l’abbaye (662) à l’instauration de la commune (1124) et à l’adoption de la réforme de Cluny (1142). Amiens, 1994
34. Constable, Giles. Monastic Tithes: From Their Origins to the Twelfth Century.
35. Cugnier, Gilles. Histoire du monastere de Luxeuil a travers ses abbes 590-1790, Langres, Dominique Gueniot editeur, 2003
36. Delisle, Léopold «Recherches sur l’ancienne bibliothèque de Corbie» in Mémoires de l’Institut de France, année 1861 24-1
37. Denoel, Charlotte. Les manuscrits, leur décor et leur circulation au premier Moyen Age, des temps mérovingiens à l’époque romane. Диссер 2018 года. http://theses.fr/s174361
38. Diem A. The emergence of monastic schools: The role of Alcuin // academia.edu : [сайт]. – 1995. – URL:

https://www.academia.edu/594540/The_emergence_of_monastic_schools_The_role_of_Alcuin (дата обращения: 03.12.2019)
39. Dobiaš-Rožděstvenskaïa, Olga, Histoire de l’atelier graphique de Corbie de 651 à 830 reflétée dans les manuscrits de Leningrad, Leningrad, Académie des Sciences de l’U.R.S.S., 1934, Travaux de l’Institut de l’histoire de la science et de la technique, série II, fascicule 3, 173 page
40. Edwards E. Libraries and founders of libraries. London, 1864
41. Félibien, Dom Michel, Histoire de l’abbaye royale de Saint-Denys en France, chez Frédéric Léonard, Paris, 1706
42. Fouracre, Paul; Gerberding, Richard A. (1996). Late Merovingian France: History and Hagiography, 640–720. Manchester: Manchester University Press
43. Fox Y. Power and religion in Merovingian Gaul: Columbanian monasticism and the Frankish elites. — Cambridge: Cambridge univ. perss, 2014. — 372 p.
44. Ganz D. The Luxeuil prophets and Merovingian missionary strategies. The Yale University Library Gazette, Vol. 66, Supplement to Volume 66: BEINECKE STUDIES IN EARLY MANUSCRIPTS (1991), 111
45. Geary, Patrick J. Naissance de la France [Texte imprimé] : le monde mérovingien. [Paris] : Flammarion, 1993
46. HAUTECOEUR (André), «Les enluminures des manuscrits de Corbie (VIIIe-XIe s.) «, Corbie abbaye royale. Volume du XIIIe centenaire, Lille : Facultés catholiques, 1963, 444 pp
47. Hen, Yitzhak (1995). Culture and religion in Merovingian Gaul A.D. 481–751. Leiden: Brill.
48. Les Temps mérovingiens, Trois siècles d’art et de culture (451 — 751), éditions RMN-Grand Palais, ISBN: 978-2-7118-6328-0/ — 64 p.
49. LECESTRE, Abbayes en France (Paris, 1902);
50. Lemas, Nicola. Les Mérovingiens, Éditions Hachette, 2016
51. LEVILLAIN, Leon, «Etudes sur l’abbaye de Saint-Denis a l’epoque merovingienne», Bibliotheque de l’ecole des chartes, tome 87, 1926, p. 20-97.
52. Lot, Ferdinand. La Fin du monde antique et le début du Moyen Âge, Éditions Albin Michel, Paris, 1968 (1re éd. Renaissance du Livre, 1927).
53. Louis, Étienne et Blondiaux, Joël. L’Abbaye Merovingienne et Carolingienne de Hamage. Publications du CHRAM, 2008
54. Lowe, Elias Avery. The «Script of Luxeuil». A Title vindicated, Revue Benedictine, Volume 63, 1953
55. McKitterick, R. Books, scribes and learning in the Frankish kingdoms 6th — 9th centuries — Aldershot [u.a.], 1994. – 432 p.
56. McKitterick, R. Nuns’ Scriptoria in England and Francia in the Eighth Century. — Francia, 1992.
57. McKitterick, R. The scriptoria of Merovingian Gaul: a survey of the evidence. Bookset Part I • p. 173-207(The scriptoria of Merovingian Gaul: a survey of the evidence’ in Columbanus and Merovingian Monasticism Howard Clarke and Mary Brennan, British ArchaeologicalReports, International Series 113 (Oxford, 1981))
58. McKitterick, R. The Frankish Kings and Culture in the Early Middle Ages , Aldershot,

Variorum, 1995
59. Nelson, Janet L. The Frankish world: 750–900. — London: Hambledon. — 1996.
60. Olson, Sherri. Daily Life in a Medieval Monastery. — Greenwood, 2013. — 211 p.
61. Porcher, J. Les manuscrits a peintures en France du VIIe au XIIe siecle, Paris, Bibliotheque nationale, 1954, n°10.
62. Monfrin, Jacques. Les manuscrits a peintures en France du VIIe au XIIe siecle. Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance. T. 17, No. 1 (1955), pp. 90-95
63. Reynolds L.D., Wilson N.G.. Scribes and scholars: A Guide to the Transmission of Greek and Latin Literature. Paris: Éditions du CNRS, 1986.
64. Richè, Pierre, Education et culture dans l'Occident barbare (VIe — VIIIe siecle), Seuil, Paris 1969. 351 p.
65. Saint Colomban. Règles et pénitentiels monastiques, éd. A. de VOGÜÉ, Bellefontaine, 1989
66. Skubiszewski P. L'art du Haut Moyen Age. – La Pochotheque, 1998. – 480 p
67. Webber-Jones, Leslie «The Scriptorium at Corbie: I. The Library», Speculum, Medieval Academy of America, vol. 22, no 2, avril 1947, p. 191-204 202
68. Wyard, Dom Robert. Histoire de l'abbaye de Saint-Vincent de Laon, 1858.
69. Wood, Ian N. The Merovingian Kingdoms, 450-751, Londres / New York, Longman, 1994, XI-395 p.
70. Zimmermann, Ernst Heinrich [Hrsg.]. Vorkarolingische Miniaturen. — Berlin, Deutscher Verein f. Kunstwiss — 1916.

Ссылки

[1] Les Temps mérovingiens, Trois siècles d'art et de culture (451 — 751), éditions RMN-Grand Palais, ISBN: 978-2-7118-6328-0/ — p.16

[2] Григорий Турский. История франков.

[3] Les Temps mérovingiens, Trois siècles d'art et de culture (451 — 751), éditions RMN-Grand Palais, ISBN: 978-2-7118-6328-0/ — p.17

[4] Les Temps mérovingiens, Trois siècles d'art et de culture (451 — 751), éditions RMN-Grand Palais, ISBN: 978-2-7118-6328-0/ — p.18

[5] Добиаш-Рождественская О.А. Культура западноевропейского средневековья. – М.: Наука, 1987. – с. 20

[6] Сперанский Н. История народной школы в Западной Европе. М., 1896.

[7] Лависс Э. История Франции в раннее Средневековье. . — СПб.: «Евразия», 2018. – с. 298

[8] Иванов, К. А. (1858-1919). Средневековый монастырь и его обитатели [Текст] / К. А. Иванов. — 5-е изд., [репр.]. — Москва : URSS : ЛЕНАНД, 2014. — 197, [1] с. : ил. — (Академия фундаментальных исследований: история). — стр. 147

[9] Карсавин Л.П. Монашество в Средние века. – М.: Ломоносовъ, 2012. С.66

[10] Olson, Sherri. Daily Life in a Medieval Monastery. — Greenwood, 2013. – p.31.

[11] Olson, Sherri. Daily Life in a Medieval Monastery. — Greenwood, 2013. – p. 32

[12] Diem A. The emergence of monastic schools: The role of Alcuin // academia.edu : [сайт]. – 1995. – URL: https://www.academia.edu/594540/The_emergence_of_monastic_schools_The_role_of_Alcuin (дата обращения: 03.12.2019). – p.30

[13] Иванов, Константин Алексеевич (1858-1919). Средневековый монастырь и его обитатели [Текст] / К. А. Иванов. — 5-е изд., [репр.]. — Москва : URSS : ЛЕНАНД, 2014. — 197, [1] с. : ил. — (Академия фундаментальных исследований: история). — стр. 167

[14] Diem A. The emergence of monastic schools: The role of Alcuin // academia.edu : [сайт]. – 1995. – URL: https://www.academia.edu/594540/The_emergence_of_monastic_schools_The_role_of_Alcuin (дата обращения: 03.12.2019). – p.29

[15] Diem A. The emergence of monastic schools: The role of Alcuin // academia.edu : [сайт]. – 1995. – URL: https://www.academia.edu/594540/The_emergence_of_monastic_schools_The_role_of_Alcuin (дата обращения: 03.12.2019). – p.30

[16] SAINT COLOMBAN, Règles et pénitentiels monastiques, éd. A. de VOGÜÉ, Bellefontaine, 1989

[17] Porcher, J. Les manuscrits a peintures en France du VIIe au XIIe siecle, Paris, Bibliotheque nationale, 1954, n°10. – p.5

[18] Нессельштраус Ц. Г. Искусство раннего Средневековья. СПб. : Азбука, 2000. — С. 143

[19] Добиаш-Рождественская О.А. Культура западноевропейского средневековья. – М.: Наука, 1987. – с. 112

[20] Wyard, Dom Robert. Histoire de l’abbaye de Saint-Vincent de Laon, 1858 (1-е изд., 1680/1685), стр. 483.

[21] Augustinus Hipponensis, Quaestiones et locutiones in Heptateuchum, livres I-IV // Bibliothèque nationale de France : [сайт]. – 2018. – URL: https://archivesetmanuscrits.bnf.fr/ark:/12148/cc34697k (дата обращения: 01.12.2019)

[22] Denoel, Charlotte. Les Histoires contre les Païens d’Orose (Laon, BM, ms. 137) // Ville de Laon — Bibliothèque municipale : [сайт]. – 2016. – URL:

http://manuscrit.ville-laon.fr/_app/ms/OEB/Ms137/en_savoir_plus/CDms137.pdf (дата обращения: 01.12.2019)

[23] McKitterick, R. Books, scribes and learning in the Frankish kingdoms 6th — 9th centuries — Aldershot [u.a.], 1994. – p. 76

[24] Ganz D. The Luxeuil prophets and Merovingian missionary strategies. The Yale University Library Gazette, Vol. 66, Supplement to Volume 66: BEINECKE STUDIES IN EARLY MANUSCRIPTS (1991), p. 109

[25] Porcher, J. Les manuscrits a peintures en France du VIIe au XIIe siecle, Paris, Bibliotheque nationale, 1954, n°10

[26] Nees, Lawrence. The Gundohinus Gospels. (Medieval Academy Books, number 95.) Cambridge, Mass.: Medieval Academy of America. 1987. Pp. xiv, 263; 35 plates. The American Historical Review. 1989.

[27] Lowe, E. A. Á Note on the Codex Corbeiensis of the 'Historia Francorum' and Its Connection with Luxeuil,» Scriptorium 6 (1952): 284-86 [repr. in Lowe, Palaeographical Papers, 2:38

[28] Ganz D. The Luxeuil prophets and Merovingian missionary strategies. The Yale University Library Gazette, Vol. 66, Supplement to Volume 66: BEINECKE STUDIES IN EARLY MANUSCRIPTS (1991), p. 111

[29] Caron R. Corbie en Picardie de la fondation de l'abbaye (662) à l'instauration de la commune (1124) et à l'adoption de la réforme de Cluny (1142). Amiens, 1994. P. 18-22.

[30] Dobiaš-Roždestvenskaïa, O. Histoire de l'atelier graphique de Corbie de 651 à 830 reflétée dans les manuscrits de Leningrad, Leningrad, Académie des Sciences de l'U.R.S.S., 1934, Travaux de l'Institut de l'histoire de la science et de la technique, série II, fascicule 3. P. 18.

[31] Dobiaš-Roždestvenskaïa, O. Histoire de l'atelier graphique de Corbie de 651 à 830 reflétée dans les manuscrits de Leningrad, Leningrad, Académie des Sciences de l'U.R.S.S., 1934, Travaux de l'Institut de l'histoire de la science et de la technique, série II, fascicule 3. P. 96.

[32] Zimmermann, Ernst Heinrich [Hrsg.]. Vorkarolingische Miniaturen. — Berlin, Deutscher Verein f. Kunstwiss — 1916. P.65

[33] Nelson, Janet L. The Frankish world: 750–900. — London: Hambledon. — 1996. P.191

[34] Jane Stevenson, Women Latin Poets: Language, Gender and Authority, from Antiquity to the Eighteenth Century (Oxford, 2005), p.90

[35] Volume / Number: 8 / 1152 // Earlier Latin Manuscripts : [сайт]. – 2018. – URL: https://elmss.nuigalway.ie/catalogue/1623 (дата обращения: 02.12.2019)

[36] McKitterick, Rosamond. Nuns’ Scriptoria in England and Francia in the Eighth Century. — Francia, 1992.